

— ЛЮДИ ИСКУССТВА

КРАСАВИЦА Дарья, бойкая, озорная, легкомысленная. Таково наше представление о героине знаменитого романа «Тихий Дон», подтвержденное кинематографическим вариантом и ставшее определенным стереотипом. В спектакле Кишиневского республиканского русского драматического театра имени А. П. Чехова «Тихий Дон» Дарью играет актриса Марта Бабкина. Исполнительница, кажется, вовсе и не стремится к разрушению стереотипа. Ее Дарья, эдакая разбитная бабенка с кошачьими повадками, катится по наклонной. Как говорится, куда ветер дует, Каблучками пристукивает да песенки распевает. Не сразу и поймешь, что это лишь внешняя оболочка, бравада, а там в глубине — пожар! Героиня Бабкиной — это «вариант судьбы Григория Мелехова», вот почему в спектакле тема Дарьи существует параллельно с темой Григория. Актриса играет Дарью не просто лихой казачкой, вдруг опомнившейся, что все-де она проворонила в жизни, а личностью мягущейся, незаурядной.

Можно сказать, Марте Бабкиной всегда везло, несмотря на многие трудности, шероховатости ее судьбы. И везение это началось с тех пор, как худенькая девочка в белом выпускном платье переступила пороги Киевского театрального института им. Карпенко-Карого. В порядке исключения ей, слабо владеющей украинским языком (причиной тому — походная жизнь родителей — военнослужащих), разрешили сдавать экзамены на русском языке. После окончания института она попала по распределению в Николаев, в Украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко.

Это было удивительное время. Марта играла, как сама она говорит, взахлеб. В то время она уже хорошо овладела украинским языком. В ее репертуаре появились ведущие роли национальной драматургии. Особенно привлекали ее сильные, героические характеры. Любимая роль — Маруся Богуславка в драме М. Старицкого. Ее цыганку Азу приезжали смотреть из Киева Гнат Петрович Юра, Полиня Нятко — корифеи Театра имени И. Франко. Восторгались, звали к себе. Не согласилась. Показала характер и быть может, юношеский максимализм. Но оставил свой театр ради другой, даже прославленной сцены, ей казалось предательством. Теперь народная артистка Молдавской ССР Марта Бабкина вспоминает прошлое с улыбки светлой грусти, навсегда, быть может, связав свою судьбу с русским театром в Кишиневе.

В этом театре она сыграла множество ролей русской, советской и зарубежной драматургии. Не о каждой хочется вспоминать даже наедине с собой. Но есть роли, как зарубежные на театральном древе. Роли выстраданные. К таким относится Стелла из пьесы Т. Уильямса «Трамвай «Желание». Это не первая роль в Кишиневском театре, но иногда думается о ней как о самой первой, хотя, конечно, маленькая американка из бедного квартала, куда ходит трамвай под названи-

Не профессия — судьба

— Валентина ЛЕВОЧКО

ем «Желание», знаменует лишь определенный этап духовной и гражданской зрелости актрисы. Чем дорога ей эта роль? Это была встреча с большим драматургом современности. Не менее важно и творческое сотрудничество с интересным режиссером И. Петровским, вдохновенно поставившим спектакль, который надолго стал украшением репертуара Театра имени А. П. Чехова.

Стелла М. Бабкиной — дитя вбогатого квартала небольшого американского городка. Она не размышляла о своей судьбе, понятия не имела о каком-то ином образе жизни: рождать детей, терпеливо сносить унижения, грубость вечно пьяного мужа — вот все, что ожидало ее в жизни, к которой она привыкла. Рассеянно и равнодушно слушает беременная Стелла горячие речи Бланш, не понимая толком, чего от нее добиваются, «Книги, музыка, театр?... Да зачем ей все это! Стелла даже жалела сестру с ее эфемерными идеалами и фантазиями. И все-таки Бланш внесла сумятицу в ее привычный мирок. К сожалению, Стелла поняла это слишком поздно. Ее финишная истерика, пустой, обреченный взгляд, которым она провожала сестру, свидетельствовали о том, что в жизни этой женщины наступил кризис. Найдутся ли в нее силы вырваться из железной клетки (таким было сцениграфиче-

ское решение — комната в виде клетки зверинца)? Бабкина играла финал, подчеркивая трагизм бессмысленного, бесчеловечного существования человека в бесчеловечном мире.

Примерно в те годы, когда Марта Бабкина делала первые шаги на сцене, симпатичная певчиха Люся из московского кинотеатра «Орион» вышла замуж за Куприянова, молодого человека по кличке «Бемс». Марта Бабкина встретила с Люсей, героиней пьесы В. Славкина «Взрослая дочь молодого человека», двадцать лет спустя. И сразу полюбила милую, скромную, любящую женщину, воспитавшую эту самую «взрослую дочь». Не ищите в спектакле Кишиневского театра пресловутого конфликта отцов и детей, ибо он здесь вовсе не является главным. М. Бабкина играет человека, страдающего от непонимания между людьми вообще, от неумения почувствовать чужую боль, найти нужные слова, чтобы подержать слабого, разделить его печаль. Не случайно именно Люся, страстно зовущая к единению, в какой-то момент становится жизненным нервом спектакля.

— Люся — это же я! — часто восклицает Марта Иванова, когда заходит речь о «Взрослой дочери».

Наверное, она имеет в виду не только возрастные совпадения, но и родство каких-

о нравственных ориентиров. Блеском остроумия, легкостью, живостью пленяет Госожа Мартине, героиня комедии Соважона «Час». Печальной она кажется слишком экстравагантной, наивной, чуть смешной, но сколько в ней такта, великодушия, как пророчески ее любовь к сыну! И с каким достоинством говорит она с богатым прошлым Куфиселем.

Есть в репертуаре Марты Бабкиной роль, о которой она говорит с особым волнением. Уже немало лет отделяет нас от событий трагической повести для театра «Эшелон» И. Рошина. Но навсегда вошли в нашу жизнь те женщины, оказавшиеся в одном поезде, который мчит сдвоясь темноту ночи, сквозь горящие хлеба, под бомбами и артострелами. Возвышено и просто прочитано эта история Кишиневским театром. Марта Бабкина играет в спектакле Лавру, темпераментную, злую на язычок, неуравновешенную московскую парикмахершу. На первый взгляд, пустая, готовая с первым встречным заигрывать, Лавра вызывает отчуждение не только в товарках по эшелону, но и в зрителе. Она равнодушна ко всем и ко всему за исключением самой себя. Ей наплевать на женские истерики и лирические отступления. Они ее только раздражают. Но вот неожиданный ракурс — актриса вплотную подходит к рампе, и мы вдруг понимаем, что эта циничная, экстравагантная женщина остро помнит и московские бульвары, такие прекрасные весной и ранней осенью, и голубизну первомайского неба, и все-все, что зовется теперь одним словосочетанием «до войны». Помнит и, если понадобится, жизни своей не пожалеет!

— Такие, как Лавра, под вражеские танки бросались, в фашистских застенках под пытками молчали, — говорит актриса о своей героине. — И знаете, может быть, это слишком смело, но мне Лавра напоминала Дарью. Я видела в них что-то общее. В их душевном настрое. Конечно, Лавра — человек иного времени, иной духовной закалки, но проживи шолоховская героиня больше, я уверена, она нашла бы свое место под солнцем. То есть, правильнее сказать, свое место в борьбе за утверждение высокой человечности.

Я не сомневаюсь в справедливости этих слов. И действительно, в творчестве актрисы все роли, сыгранные лучше или хуже, — одна единственная человеческая судьба Судьба творца. В заключение я спрашиваю Марту Иванову, счастливо ли сложилась ее жизнь.

— Хотелось бы мне видеть человека, который с полной искренностью может сказать: да, я счастлив. Я не знаю, что такое счастливая актерская судьба. В моей жизни было много встреч, надежд, чуть-чуть радости, были потери и много, очень много работы. Народная артистка. Для меня это прежде всего ответственность. Ответственность за каждое слово, каждый жест. Театр не профессия, а судьба. Заверное, это и есть счастье...

● Народная артистка Молдавской ССР М. Бабкина.